

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Г.П. Немищенко. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков). München: Verlag Otto Sagner, 1999. 234 S. (Specimina philologiae Slavicae. Bd. 121).

Рецензируемая монография является результатом многолетнего¹ изучения ее автором комплексной проблематики языковой ситуации, которая "тянет за собой" широкий спектр актуальных социолингвистических вопросов, имеющих большое теоретическое и прикладное значение. Центральное место в ряду этих вопросов занимает фундаментальная проблема современной социолингвистики – проблема функциональной дифференциации этнического языка, которой и посвящена рецензируемая книга.

Термин-понятие "этнический язык", определивший название исследования, трактуется автором шире, чем распространенный термин "национальный язык". Как семантически более емкий, термин "этнический язык" может быть применен к любому периоду в жизни социума – национальному, донациональному, постнациональному. Это и определило его приоритетность при выборе терминологического аппарата.

Конкретной исследовательской задачей данного труда является макромоделирование строения этнического языка, описание конфигурации этой модели, определение организующих ее принципов. В соответствии с этим выстроена композиция исследования, включающего введение с целевыми установками автора (с. 3–19), две главы, составляющие основную часть текста: "Коммуникативная модель строения этнического языка" (с. 20–128); "Концепция

описания национальных языковых ситуаций" (с. 129–202), а также "Заключение" (с. 203–220), "Резюме" на английском языке (с. 221–223) и список "Цитируемой литературы" (с. 224–229).

Обосновывая актуальность темы и определяя ракурс исследования, автор отдает себе отчет в том, что исследуемая ею ниша отнюдь не пуста, поскольку в основе большинства имеющихся социолингвистических описаний славянских (и не только славянских) языков находится вполне сформировавшаяся и во многом ставшая уже общепринятой теоретическая концепция – стратификационная (или, по определению автора, онтолого-таксономическая), базирующаяся на теории литературного языка, причем в том ее виде, в каком данная теория сложилась к середине XX в. В монографии уделено большое внимание анализу теоретических основ данной концепции. По своей конфигурации стратификационная модель имеет вид иерархизованной вертикали. Это своего рода пирамида, расширенное основание которой образуют территориальные диалекты, вершину же венчает литературный язык как наиболее престижный, стабильный, полифункциональный, обработанный (кодифицированный для большинства исследователей) идиом, используемый в качестве единственного национально-репрезентативного, общезнаменного средства общения. Численность позиций, включаемых в состав стратификационной модели этнического языка может варьироваться как по отдельным языкам, так и в истории одного и того же языка. Литературный язык (также обозначаемый эквивалентным термином "стандартный язык") играет важней-

¹ Первые статьи на эту тему автор начал публиковать с середины 90-х гг. см., в частности, список в конце рецензии [Немищенко 1985; 1986; 1988; 1989а; 1989б; 1994а; 1994б].

шую роль в стратификационной концепции. На основе этой модели выполнены современные социалингвистические описания подавляющего большинства славянских языков.

Вместе с тем, практическая апробация исходных теоретических положений данной концепции на конкретном языковом материале, особенно современном, выявляет немало уязвимых мест. Общеизвестно, что классические языковые идиомы, которыми обычно оперируют исследователи, в своем первоначальном виде, т.е. как гомогенные и целостные структуры, в речевом узусе обычно не используются. Чаще всего они функционируют в дисперсном виде, их границы взаимопроницаемы. Стратификационная концепция, сыгравшая историческую роль в изучении конституирующих признаков литературно-языковых идиомов (что было особенно важно при исследовании ранней стадии их формирования), в условиях изменившегося мира, новых – электронных СМИ, уже "не работает". Она по традиции завышает оценку литературного языка, а *prigoi* приписывая ему максимально высокий социалингвистический статус в модели этнического языка и способность обслуживать весь спектр этнической коммуникации. Тем самым литературноцентристский подход объективно занижает роль других, "нелитературных" (разговорных) идиомов, не позволяя дать оценку их реальной коммуникативной значимости в современном мире. В монографии верно подмечено, что сосредоточенность исследователей на одном идиоме, известная заданность их угла зрения и итоговых выводов объясняются не только действительной значимостью литературного языка в системе вербальной коммуникации, но и профессиональной специализацией исследователей, изучающих проблему дифференциации этнического языка: как правило, они являются специалистами именно по литературному языку, его истории.

Автор подчеркивает, что модель этнического языка не является реестром всех форм его манифестации. Она отражает взаимосвязи, существующие между идиомами, их распределение в коммуникативном пространстве и как следствие этого – группировку идиомов в соответствующие функциональные блоки, иначе именуемые ярусами, или же стратами.

Необходимость корректировки общепринятой теоретической концепции этнического языка и отказ от некоторых привычных ее стереотипов очевидны сегодня многим специалистам по теории и истории литературного языка. Однако расхождения

между сущностью концепции и современным состоянием вербальной коммуникации в социуме едва ли могут быть преодолены в рамках традиционного подхода. По убеждению автора, решение может быть найдено в русле коммуникативного подхода, существенно отличающегося от стратификационного как принципами структурирования языка, так и оценкой значимости языковых феноменов.

В основу выдвигаемой автором концепции структурирования этнического языка положено проецирование коммуникативной модели на плоскость языка. Исследователь воссоздает макро модель этнического языка в виде двух автономных, но взаимосвязанных и взаимодополняющих подсистем или континуумов – коммуникативного и языкового. Такой подход основывается на следующих исходных посылах: а) обеспечение коммуникативных потребностей является важнейшей функцией языка; б) между коммуникативным и языковым континуумами существует причинно-следственная взаимосвязь; в) коммуникативный и языковой континуумы имеют симметричное строение (членение коммуникативного континуума предопределяет членение языкового).

Первая глава монографии – теоретически и методологически центральная часть исследования – посвящена описанию строения этнического языка сквозь призму "коммуникативной координаты". Большая часть данной главы посвящена определению степени и диапазона участия языковой системы в обеспечении коммуникативных потребностей личности и социума в целом, что обуславливает переосмысление целевых установок и ценностных ориентиров при исследовании проблемы языковой ситуации.

Строение каждого из континуумов – коммуникативного и языкового – представлено в монографии в виде бинарной модели.

Коммуникативный континуум любой этнической общности практически на всех этапах ее существования состоит из двух ареалов (или двух "коммуникативных сфер"): (1) ареала *высших коммуникативных функций*, осуществляющихся в условиях строгой регламентации речевого поведения коммуникантов, и (2) ареала *непринужденного повседневного общения* – неофициального, непубличного, интерперсонального, спонтанного, ориентированного на индивидуального адресата.

Языковой континуум, т.е. этнический язык, также состоит из двух ареалов: (1) подсистемы языкового обеспечения *высших коммуникативных функций* и (2) подсистемы языкового обеспечения

непринужденного повседневного общения. В действительности, эти два ареала или две "подсистемы" бинарной модели этнического языка по содержанию значительно богаче и многослойнее, поскольку они отражают всю гамму используемых в реальной коммуникации идиомов, которые к тому же практически не употребляются в чистом виде. Так, в подсистеме языкового обеспечения высших коммуникативных функций входит также официальное публичное общение и полуофициальное интерперсональное общение (при отсутствии доверительных межличностных отношений). Первая подсистема этнического языка обслуживает строго "цензурируемую" коммуникативную сферу: она предназначена для обеспечения речевого поведения, регулируемого двойной цензурой – внешней и автоцензурой (т.е. "принужденного" речевого поведения). Вторая подсистема этнического языка, обслуживающая непринужденное общение, совокупно обозначаемая "разговорный язык", характеризуется отсутствием или же ограниченным применением автоцензуры, т.е. речевого самоконтроля. Вторая подсистема характеризуется принципиально иной психологической установкой общения и иным выразительным рядом, в частности, диалогическим построением текста, линейным развертыванием высказывания, отражающим поток сознания, абсолютным преобладанием смешанных текстов и т.д. Совокупность обоих ареалов составляет комплексный языковой континуум (т.е. этнический язык).

"Золотым сечением" исследования является, на наш взгляд, вводимая автором антиномия "регулируемое – нерегулируемое речевое поведение": именно она позволяет под новым ракурсом увидеть не только коммуникативный континуум, но и обслуживающий его континуум языковой. Лежащее в ее основе противоположение двух типов речевого поведения инициировало воссоздание дихотомической макромоделли языка. Данная оппозиция в основе своей непротиворечива и проводится строго и последовательно. Все остальные оппозиции, которые могут быть использованы для построения дихотомической модели этнического языка, в той или иной мере являются ее спецификацией.

Несмотря на то, что предлагаемая концепция структурирования этнического языка направлена на коррекцию "литературно-центристского" взгляда на язык, автора нельзя упрекнуть в недооценке значимости литературного языка в культуре социума. Напротив, литературному языку, "визитной

карточке этноса", центральному манифестанту подсистемы регулируемого речевого поведения в книге уделено исключительно большое внимание. Утверждение в качестве функциональной доминанты общезычического литературного языка (в его письменной и устной разновидности) автор считает важнейшей задачей языковой политики. Раздел, посвященный литературному языку, изобилует тонким анализом, важными уточнениями, постановкой остродискуссионных вопросов.

В том, что из всех идиомов этнического языка именно литературный язык оказывается максимально пригодным для функционирования в ареале публичного и официального общения, решающую роль играет прежде всего то обстоятельство, что в современной языковой ситуации, несмотря ни на что, именно литературный язык имеет максимальную зону охвата социума. Он является единственной общезычической формой существования языка. "Гибкая стабильность" нормы литературного языка обуславливает возможность его использования не только для фиксации, но и для хранения и дистрибуции (как синхронной, так и диахронной, т.е. между поколениями) духовных ценностей. Особенностью современной языковой ситуации является то обстоятельство, что этими качествами обладает не только письменная, но и устная манифестация литературного языка.

В монографии представлен широкий спектр мнений об источниках формирования современной нормы. Отмечено, в частности, возрастание нормотворческой роли научно-популярных и публицистических текстов, а также все возрастающая нормотворческая роль языка СМИ, одним из цитируемых в монографии чешских исследователей названного даже "автономной языковой формой". Будучи "сколком" современного состояния речевой культуры и, соответственно, современной языковой ситуации, язык электронных СМИ в то же время является основной сферой использования устного литературного языка. Затрагивая весьма актуальный вопрос об участии языка произведений художественной литературы в современном нормотворческом процессе, автор вносит важные уточнения и дополнения.

Особенно много инновационных акцентов в разделе, посвященном устному литературному языку. В книге представлен весь спектр мнений на природу данного феномена. Обсуждая разные точки зрения на природу литературного языка и высказывая свою, автор считает нецелесообраз-

ным вводить оппозицию "кодифицированность – некодифицированность" в н у т р ь этого идиома: более логично рассматривать данную оппозицию в рамках этнического языка в целом, противопоставляя по этому признаку языковое обеспечение двух коммуникативных ареалов. Оперирование понятием литературный некодифицированный феномен, по мнению исследователя, может иметь свой резон лишь при условии, что будет решена проблема установления "порога" литературности, т.е. определения той критической массы, выход за пределы которой делает текст нелитературным. Продолжая дискуссию, автор аргументированно показывает несостоятельность отождествления некоторыми исследователями устного литературного языка с озвученным вариантом письменной речи. Самостоятельная природа данного феномена проявляется у некоторых этносов еще до возникновения письменной традиции. Использование этнического устного культурного языка в ареале высших коммуникативных функций до возникновения письменной традиции отмечено, в частности, в истории чешского и словацкого этносов. В качестве вспомогательного языка он применялся в костеле, в административно-правовой и хозяйственной сферах. Функционирование устного культурного языка в качестве предшественника литературного языка подготовило почву для интенсивного развития последнего.

Автор констатирует, что для ранних этапов цивилизационного развития социума оппозиция "письменность – устность" может использоваться при моделировании строения этнического языка в целом, поскольку в этот период дифференциация языкового обеспечения обоих ареалов действительно встраивается в рамки названной антиномии: ареал высших коммуникативных функций практически полностью представляет собой зону п и с ь м е н н о й вербальной коммуникации; ареал непринужденного повседневного общения – коммуникации устной. В рамках этнического языка письменная коммуникация связывалась прежде всего с литературным идиомом, поэтому первоначально он противопоставлялся всем остальным, "неписьменным" идиомам, т.е. идиомам, использующимся в сфере устного (в данном случае – разговорного) общения.

В более поздние периоды в жизни этноса использование оппозиции "письменность – устность" для макроmodellирования строения этнического языка уже утрачивает свою эффективность, поскольку закрепление устных и письменных форм существования языка за разными коммуникативными ареа-

лами уже не столь очевидно, как ранее. Важную роль в этом сыграло становление устного литературного языка, происходившее у большинства славянских народов во второй половине XIX в. С формированием устной разновидности литературного языка происходит дуалистическое разделение литературного языка, бывшего до сих пор единым (письменным) феноменом, на две разновидности: письменную и устную.

В результате формирования этого идиома антиномия "письменность – устность", проявлявшаяся ранее в масштабах этнического языка в целом, стала актуальной и для литературного языка (появилась дихотомия "письменный – устный литературный язык"). Эта актуальность особенно возросла после обретения устным литературным языком статуса общеэтнического языкового средства.

Таким образом, применительно к современному состоянию этнической вербальной коммуникации оппозиция "письменность – устность" распространяется и на литературный язык, который, набирая свою функциональную мощь, становится единственным языковым идиомом, совершающим в истории этноса движение по оси "письменность – устность".

Давая характеристику обеим манифестациям литературного языка – письменной и устной, автор уделяет большое внимание актуальной проблеме использования в речевой продукции современного социума "смешанных" или "гибридных" текстов, т.е. текстов, в которых в литературную первооснову включаются элементы сленга, жаргона, просторечия и пр. Изложение иллюстрируется ярким фактическим материалом.

Явление гибридных текстов связано с новым статусом СМИ и их влиянием на состояние вербальной культуры в обществе. В связи с этой этической проблемой, волнующей общество [Устюжанин 1999], автор не только констатирует ее наличие, но дает необходимые рекомендации для улучшения состояния речевой культуры.

Появление электронных СМИ коренным образом изменило статус устного литературного языка, его значимость в системе общественной коммуникации. Благодаря радио и ТВ устный литературный язык, использовавшийся ранее в основном при интерперсональном официальном общении, стал средством общеэтнической, притом м г н о в е н н о й, коммуникативной связи. Автор констатирует, что ныне именно устные СМИ являются доминирующим информационным каналом. Именно поэтому значительно возрастает влияние языка СМИ

на современное состояние вербальной культуры. Следует учитывать, что корректность письменно-литературного текста регулируется двумя фильтрами: (1) автоцензурой и (2) "внешней" цензурой (например, литературным редактором), в то время как устно-литературный текст имеет только один регулятор правильности – автоцензуру. Правда, роль внешней цензуры с определенной долей условности могут выполнять претензии, высказываемые слушателями, однако, как правило, эти реплики не соотносены во времени с речевым актом, поэтому не могут влиять на характер текста. Это означает, что для построения корректного с точки зрения языковой нормы устного литературного текста необходим более высокий уровень языковой компетенции говорящего. Не случайно поэтому особую остроту приобретает проблема языковых ошибок на радио и телевидении, стилистической неадекватности языковых средств. Благодаря достижениям научно-технического прогресса эти ошибки могут мгновенно тиражироваться, транслироваться на массовую аудиторию, вызывая не только болезненную реакцию некоторых слушателей (зрителей), но и пагубно влияя на общий уровень нашей языковой культуры.

Автор цитирует зафиксированные ею примеры характерных ошибок, прозвучавшие по радио или с экрана телевизора: крайне странное употребление предложного "о", буквально "инфицировавшее" нашу речь в последнее время ("доказать о том", "в смысле о том", "тема о том", "посмотрите о том" и т.п.). К числу наиболее характерных ошибок относятся также образцы квазилитературных, гиперкорректных текстов, перенасыщенных к тому же профессионализмами (например, *Мы дали команду произвести подметание улиц*), неправильное воспроизведение иностранных слов (*презумпция; тет на тет* вм. *тет а тет; страхового п о л ю с* вм. *полис*), неправильное ударение (*в два раза*) и т.д. Большой интерес представляет анализ ошибок, определяемых автором как диагностические, фиксирующие напряженные места в кодификации литературного языка (склонение сложных числительных, определение рода заимствованных слов, родовое неразграничение "обоих – обеих", склонение существительного *коллега "с моим коллегом"*, случаи адъективации, окачествления глагольной формы *"ехал в подвыпившем состоянии"*). Подобные ошибки

приобретают массовый характер, и, возможно, в будущем потребуются внести изменения в норму употребления (очевидно, допуская варьирование). Автор делает вывод, что в условиях современной коммуникации, активизации общественной жизни, возрастания социальной активности населения одной из первоочередных задач языкового воспитания является *повышение культуры прежде всего устного слова*.

Комплексный и интердисциплинарный характер рассматриваемой проблемы обусловили привлечение для ее решения помимо специальных методических приемов, используемых в языкознании, а также в сопредельных с ним науках (социолингвистике, психолингвистике, социологии и пр.), и универсальных научных методов. В этой связи следует особо выделить *системно-функциональный и сопоставительный методы*.

Для проведения сопоставительного исследования автор использует в работе живой, интересный и разнообразный фактический материал, отражающий специфику языковой ситуации целого ряда славянских этносов, а также таких полиэтнических государств, как РФ и СССР. Этот материал был получен автором в результате собственных наблюдений (прежде всего русская и чешская языковая ситуация), а также путем изучения существующих социолингвистических описаний болгарского, польского, русского, словацкого, чешского языков. Представленность в работе упомянутого языкового материала не одинакова. Так, характеристике социолингвистических концепций русского, чешского и болгарского языков (по одному языку от каждой группы славянских языков) посвящены самостоятельные разделы второй главы. Данные о польской и словацкой языковых ситуациях, исследованных в рабочем порядке, в тексте монографии рассредоточены. Они привлекались по мере необходимости при рассмотрении некоторых концептуальных вопросов.

Наибольшее внимание в монографии уделено материалу русского и чешского языков и соответственно теоретическим концепциям, сформировавшимся в русистике и богемистике. Это обусловлено прежде всего тем, что в славистике именно эти национальные школы – отечественная и чешская – существенно повлияли на направленность социолингвистических исследований. Автор неоднократно подчеркивает особую значимость для рассмотрения проблемы языковой ситуации фактов чешского языка,

наиболее отчетливо выявляющих уязвимость как самой стратификационной концепции, так и ее основополагающей аксиомы о доминирующем положении литературного языка в системе этнической коммуникации.

Возможно, при отборе языков для изложения концепций описания национальных языковых ситуаций было бы целесообразно включить языки, отличающиеся также типологией нормы (например, русский, чешский, болгарский, опирающиеся на предшествующую письменную традицию, с одной стороны, и сербский и хорватский, в основу которых положена устная диалектная речь, с другой). Это еще больше укрепило бы доказательную базу фундаментального вывода о том, что "принцип бинарного членения этнического языка на две автономные подсистемы имеет универсальную значимость" (с. 208), что, безусловно, расширяет сферу приложения представляемой в монографии концепции. Этот принцип может быть применен как к одному и тому же языку в его диахроническом развитии, так и к различным языкам при их синхронном изучении. Предлагаемый вид членения может быть использован для самых различных языков, поскольку это языковая универсалия.

Обобщая свои наблюдения, отметим, что многие положения рецензируемого научного труда еще предстоит проанализировать и освоить, но совершенно ясно уже сейчас, что это глубокое, оригинальное и во многих отношениях новаторское исследование.

Читая монографию, нельзя не отметить хорошо продуманную графическую иллюстрацию излагаемого теоретического материала. Используемые в книге рисунки наглядно показывают отличия в конфигурации сопоставляемых концепций – коммуникативной и стратификационной. Так, если последняя имеет вид иерархизованной вертикали, то коммуникативная модель, напротив, является плоскостной, горизонтальной, состоящей из двух рядом расположенных подсистем (языковое обеспечение ареала высших коммуникативных функций и языковое обеспечение непринужденного повседневного общения).

Исследование потребовало привлечения обширного терминологического аппарата. Несомненным достоинством рецензируемого труда является тщательный отбор и обоснование привычных терминов с точки зрения авторской концепции (э т н и ч е с к и й я з ы к , н а ц и о н а л ь н ы й я з ы к , у с т н ы й л и т е р а т у р н ы й я з ы к , и д и о м ы и др.).

Несмотря на то, что рецензируемая монография была задумана и выполнена как научно-лингвистическое исследование, она может по праву рассматриваться и как добротное учебное пособие для целого ряда спецкурсов, адресованных студентам, аспирантам, молодым преподавателям языковых вузов. Определенность защищаемых точек зрения, богатство библиографического и справочного материалов, наглядность рисунков и схем делает монографию примером изложения сложного материала в простой и четкой манере. Обобщая достижения современной социолингвистики и не уходя от освещения остродискуссионных спорных и нерешенных ее проблем, книга демонстрирует, как могут быть использованы главные понятия социолингвистики для описания отдельно взятого языка, и сопоставительного описания нескольких языков, а также – что не менее важно – в каком направлении их еще следует уточнять и развивать. Рецензируемая книга – значительный вклад в развитие теоретических основ современной социолингвистики.

Нельзя не выразить глубокой признательности немецкому издателю, благодаря которому интересное исследование нашей соотечественницы увидело свет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Нещименко Г.П.* 1985 – Функциональное членение чешского языка // Функциональная стратификация языка. М., 1985.
- Нещименко Г.П.* 1986 – K problému diferencie národného jazyka // Jazykovedné aktuality. Informatívni zpravodaj československých jazykovedcú. 1986. № 1, 2.
- Нещименко Г.П.* 1988 – Проблема функциональной дифференциации национального языка в аспекте сопоставительного изучения славянских языков // X Международная конференция славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988.
- Нещименко Г.П.* 1989а – Языковая ситуация в Чехии в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989.
- Нещименко Г.П.* 1989б – Языковая ситуация в 50–60-х годах XIX в. // Чешская нация на заключительном этапе формирования: 1850 г. – начало 70-х годов XIX в. М., 1989.

Неццименко Г.П. 1994а – Дихотомия "письменная – устная речь" и "монологическая – диалогическая речь" и их значимость для решения проблемы моделирования строения национального языка // *Writing as speaking: language, text, discourse, communication*. Tübingen. 1994.

Неццименко Г.П. 1994б – Několik postřehů k problému diferenciacе národního jazyka //

K diferenciaci současného mluveného jazyka. Ostrava, 1994.

Устюжанин В. 1999 – Из стенограммы заседания Госдумы: "Ублюдок, гнида, пусто-звон!..." Тут отключили микрофон // О некоторых лексических особенностях дискуссий российских политиков // *Мир за неделю*. 1999. № 10.

Г.Г. Тяпко

W. Lehfeldt. Die altrussischen Inschriften des Hildesheimer Enkolpions // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologische-Historische Klasse. Jahrgang 1999. Nr. 1. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht in Göttingen, 1999. 54 S.*

Исследование истории русского языка и памятников древней письменности за последние годы приобрело целенаправленный характер. После некоторого "затишья" в этой области наблюдается повышенный интерес к традициям и культуре древних текстов, изображений, надписей. И здесь опыт классической филологии прошлых времен исключительно полезен. В этом отношении многолетняя плодотворная деятельность европейских ученых по изучению и пропаганде "святоотеческого" наследия весьма поучительна. Имея сложившуюся школу со своими традициями (без "шатаний" и "уклонов", как в России), занимаемая постоянными поисками в редких архивных собраниях, исследования ученых из Германии ведутся очень аккуратно, последовательно и скрупулезно, на высоком научно-теоретическом уровне, с живой авторской фантазией в выборе темы и источника и точном следовании историко-лингвистическим фактам.

Работа немецкого слависта В. Лефельдта как раз и находится в русле богатой традиции западноевропейских исследований памятников старины. К слову сказать, в Германии уже в течение многих лет существует не одна серия, публикующая труды по славянской филологии и истории. Филолого-исторический класс Геттингенской Академии наук, на наш взгляд, неизменно следует четким и верным установкам: во-первых, следует найти и расшифровать оригинальный источник, во-вторых, сделать подробное описание всех его уровней – текстологического, языковедческого, палеографического, исторического и др.; в-третьих, представить качественный иллюстративный материал. Всем этим характеристикам полностью соответствует рецензируемый труд.

Обсуждаемая работа тем более нам кажется интересной еще и потому, что в научной литературе не существовало единого мнения относительно происхождения

энколпиона из "Гилдесгейма" (как называли этот немецкий город русские ученые начала XX в.). Речь идет о древнем нагрудном кресте, предназначенном для исполнения религиозного культа во время процессий. Он использовался и как "хранилище" святых мощей. И.А. Шляпкин, один из первых исследователей реликвии, выступил противником отнесения этого креста к Византии, отвергнув таким образом нерусское происхождение энколпиона (см. [Шляпкин 1913]). Работа В. Лефельдта также подтверждает факт о связи креста с Древней Русью – с новгородской землей. Одним из таких свидетельств является, в частности, то, что крест был именован и, очевидно, мог принадлежать одному из иерархов Новгородской епископии. Есть и лингвистические факты, говорящие о древнерусской традиции "языкового мастерства" в оформлении подобных энколпионов.

Далее скажем подробнее о самой структуре исследования В. Лефельдта.

Работа состоит из четырех разделов. В первом автор досконально исследует сам "материал", делает расшифровку надписей. Древние надписи анализируются им здесь с формальной стороны, но именно эта работа – самая трудоемкая и ответственная. Он определяет не только характер самих начертаний и дает расшифровку с мельчайшими подробностями на языке оригинала, но и цитирует письменные источники, закрепившие в своем словнике то или иное имя, используя при этом большой фактический материал и прибегая к интересным сравнениям из научной литературы. Особенно подробно автор разбирает состав и содержание следующих надписей: **ВАСИЛИЙ**, **ВУПАТИЙ**, **ПЕТРО**¹. Здесь же представле-

¹ Кстати, И.А. Шляпкин подметил, что одной из святынь, находящихся в кресте,